

РЕЛИГИЯ: ОТ ХАЙЯМА ДО ПАВЛОВА

Борис Ихлов

СРЕДНИЕ ВЕКА

*Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе - вылей!
Если мудрый подаст тебе яду - прими!*

На излете темных веков занятия наукой неизбежно вели к разлому с религией, которая, казалось, всё определяла в средние века. Наряду с такими откровенными обскурантами, как Абельяр, Августин, Эриугена, Дунс Скот, Фома Аквинский, в эпоху феодализма творил отрицавший возможность воскресения ибн Сина, из учения которого вытекало, что бог творит мир не по собственной воле, а в силу естественной необходимости. Францисканский монах Роджер Бэкон утверждал, что не церковь, не слово божье, а математика наиболее достоверна и несомненна. Аль Фараби, арабский перипатетик, мыслил в русле материалистической стороны философии Аристотеля.

Подчинение морали религиозным канонам не могло не вызвать обратной реакции буквально по принципу Ле Шателье, в эпоху, когда за богохульство инквизиция сжигала на кострах, против религии восставали в религиозной форме: Сигер Брабантский, Ибн Рушд (Аверроэс) и, уже в начале Ренессанса, Хафиз. Тем ценнее прямое отрицание в поэзии и клерикализма, и божественного, не то, чтобы указание на нелогичность религии, ее противоречивость, а указание на ее несоответствие миру. Читаем рубаи Омара Хайяма в чудесных переводах Германа Плисецкого:

«Ад и рай - в небесах», - утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай - не круги во дворце мироздания,
Ад и рай - это лишь половинки души.

Долго ль будешь, мудрец, у рассудка в плену?
Век наш краток - не больше аршина в длину.
Скоро станешь ты глиняным винным кувшином.
Так что пей, привыкай постепенно к вину!

Пью вино, ибо скоро в могиле сгнию.
Пью вино, потому что не верю вранью
Ни о вечных мучениях в жизни загробной,
Ни о вечном блаженстве на травке в раю.

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

Оказывается, творец отнюдь не всеведущ и не всемогущ:

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны - зачем умираем?
Если несовершенны - то кто бракодел?

Религиозная мораль тоже не соответствует миру, даже средневековому:

Согрешив, ни к чему себя адом стращать,
Стать безгрешным не надо, Хайям, обещать.
Для чего милосердному богу безгрешный?
Грешник нужен всевышнему - чтобы прощать!

О жестокое небо, безжалостный бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, -

Ты немедля еще добавляешь ожог.

Пощади меня, боже, избавь от оков!
Их достойны святые - а я не таков.
Я подлец - если ты не жесток с подлецами.
Я глупец - если жалуешь ты дураков.

Хайям не боится прямых обвинений:

Не позор и не грех - в харабат забрести.
Благородство и мудрость у пьяниц в чести.
Медресе - вот рассадник невежд с подлецами!
Я без жалости их повелел бы снести.

В семидесяти двух ученьях все подряд
О сущности Творца так много говорят!
Уж ладно б чепуху болтали меж собою,
Словами складными народ они дурят.

Насмешка над религиозным фатализмом перерастает в обвинение всевышнего в греховности:

Мы с тобою - добыча, а мир - западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня,
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

Не просто насмешка и обвинение, а конституирование протеста:

В этом мире на каждом шагу - западня,
Я по собственной воле не прожил и дня.
Без меня в небесах принимают решения,
А потом бунтарем называют меня!

Еще не наступила эпоха распада феодализма, наука не начала войн с религией на уничтожение, еще нет Петрарки и Шекспира, но Хайям, опережая столетия, уже противопоставляет религии любовь и науку:

Бушуют в келиях, мечетях и церквях
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.

Есть много вер, и все они несхожи...
Что значит - ересь, грех, ислам?
Любовь я выбрал...
Все прочее - ничтожный хлам.

Хайям понимает бессмысленность возражениям религии в системе, которая ее порождает, поэтому он, соединяя причину и следствие, восстает против обеих сторон, протестует и против сословного неравенства и власти, и против обслуживающей это неравенство идеологии.

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе,
Трезвон колоколов – язык смиренья рабий,
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

Тот, кто мир преподносит счастливым в дар,
Остальным - за ударом наносит удар.
Не горюй, если меньше других веселился.
Будь доволен, что меньше других пострадал.

Если б мне всемогущество было дано -
Я бы небо такое низринул давно

И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

Если труженик, в поте лица своего
Добывающий хлеб, не стяжал ничего -
Почему он ничтожеству кланяться должен
Или даже тому, кто не хуже его?

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сластями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба -
Мне плевать на твою справедливость, творец!

Характеристика феодальных отношений пессимистична:

Тот, кто следует разуму, - доит быка,
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть - их по пальцам легко перечесать.

Наконец, прямой призыв к свободе низших классов:
Если есть у тебя для жилья закуток -
В наше подлое время - и хлеба кусок,
Если ты никому не слуга, не хозяин -
Счастлив ты и воистину духом высок.

До соединения протеста с действием пройдут века. Ленин укажет, что борьба с религией вне революционной борьбы против высших классов невозможна.

Хайам в арабском мире не одинок, читаем упомянутого Хафиза:

Что святош во власяницах вся гурьба?
Греховодная милей мне голытьба!

Или:
Где правоверных путь, где нечестивых путь? О, где же?
Где на один вступить, с другого где свернуть? О, где же?
Как сравниваешь ты дом праведных и дом беспутных?
Где лишь в молитвах суть, где только в лютнях суть? О, где же?
Постыла келья мне, и лицемерье рясы – также.
Где магов храм?* Где мне к вину прильнуть? О, где же?

И еще:
Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!
Ах, что мне святости твои и твой скелет!
Пыланье роз, пыланье роз меня пьянит.
Увы, не вечен аромат и нежный цвет!
Приди же, милая моя! Свою любовь
В твои я косы заплету среди бесед.
Тюльпаном чаша предо мной полна вина:
Оно как плавленый рубин! Оно – рассвет!
Прекрасней трезвости, друзья, веселый хмель, –

О виночерпий, окропи ты наш обед!
А ты, о суфий, обходи мой грешный дом –
От воздержанья воздержусь я: дал обет!
Увы, прошла моя весна... Прошла весна...
Я это чувствую по тысяче примет.
Но не в раскаянье спасение для нас.
Не станет суфием Хафиз на склоне лет.

И, наконец:
Свершая утром намаз, я вспомнил своды бровей, –
И вопль восторга потряс михраб мечети моей...

Хайям высмеивают аскетический ислам, суфизм:

Ты грустен? Покури хашиш, и мрака нет.
Иль кубок осуши – тоски пройдет и след.
Но ты стал суфием, не пьешь, не куришь.
Бульжник погрызи, вот мой тебе совет.

Хайяму вторит и Хафиз, открывая читателю глаза на лицемерие суфистов, «святош в рубище».

КОРОЛЬ ЛИР

«Такую погоду придумали древние греки, / недаром от их мифологии веет садизмом», - пишет Виталий Каьпиди. Шекспировская драма – ренессанс античной мифологии. Шекспир рисует Лира глупцом, который задает дочерям глупый вопрос: «Кто меня больше любит?» Цель вопроса еще более глупа: выяснив, кто больше любит, того оделить большим наследством. Честь, разум, умение править, воля не играют роли. Апогеем глупости является манера, как Лир собирается узнать, кто больше любит: он спрашивает об этом у тех, кто знает, что большую долю получит тот, кто больше любит.

Лир дожил до гробовой доски и не знает своих дочерей. Шекспир заставляет Гонерилью рассказывать о своей любви так нарочито фальшиво, что глаза на лоб лезут, и если зритель все равно не понимает, добавляет реплику Корделии. Глупец Лир рад, Гонерилья глаголет, хотя у нее онемел язык от любви к отцу.

Дабы определить, кому что, король должен выслушать всех трёх дочерей. Лир же сразу, не выслушав двух других, отдает часть Гонерилье, Шекспир даже не указывает, какую. Регана бесцеремонно уверяет Лира, что никаких радостей в жизни у нее нет, кроме любви к отцу. Регане отходит вторая часть государства, «не хуже». Лучшую часть отец уготовил младшей, любимой.

Корделия понимает, что сестры лгут:
«На что супруги сестрам, Когда они вас любят одного?»
Сама же не хочет понимать отца, ведь отец при смерти.

Лир из-за двух фраз объявляет: «Ты мне навек чужая». Будто бы ничего особенного в этом нет для русского человека, прочитавшего «Дядюшкин сон» Достоевского, но не так просто устроена трагедия Шекспира.

Шекспир беспощаден к своим героям, глуп и Глостер, поверивший поддельному письму и возненавидевший своего сына. Хотя сам Глостер сам своими глазами видел ссору Лира с дочерью и осуждал короля за глупость. Письмо! Подобно письму Федры с клеветой на Ипполита в драме Еврипида. Не блещет умом и Кент, набрасываясь на Освальда, Освальд – зло мелкое, порожденное большим злом. Глупость – обязательный аксессуар, как в сказке меч-кладенец или шапка-невидимка, но это соотнесение не исчерпывает смысла аксессуара.

У Глостера вырывают глаза, как у Эдипа в драме Софокла, надменный Лир глуп, глуп и царь Пелий в «Медее», Глостер так же упорствует в глупости, как Эдип. Ахейцы пошли войной на Троию из-за прекрасной Елены, Корделия начинает войну из-за отца: Я выступила не из жажды славы. Но из любви, лишь из одной любви, Чтоб за отца вступиться.

Лир:
При виде жертв подобных
Нам боги сами курят фимиам.

Боги, а не один бог.

Когда зло побеждено, можно покинуть спектакль? Нет, ибо Шекспир кровожаден! Разве зря Эдмонд послал к Корделии офицера? Гонерилья отравила ядом сестру, себя убила кинжалом. Лир, едва придя в себя, видит Корделию мертвой и умирает сам. Ту же мясорубку видим и «Гамлете», и в других творениях поэта. «Зло порождает зло» [1], если человек совершил одно зло, он совершит и второе, и третье. В современной России это выражение извратили – нельзя отстаивать свои права, нельзя совершать революцию, ибо это зло породит ответное зло и так далее.

Откуда кровожадность у Шекспира? Она наследована от Гомера. Шекспир родился в XVI веке, он дитя отрицающего религию Возрождения.

Но садизмом веет не только от греческой мифологии, от всех религий мира.

Одна деталь: если мойры довели над греческой мыслью, Шекспир впадает в другую крайность, он объявляет миру: никакой необходимости нет, всё, что случается с народами, зависит только от черт характера королей, от их глупой прихоти.

Граф Толстой жестоко сказал о Петре: «С Петра I начинаются особенно поразительные и особенно близкие и понятные нам ужасы русской истории... Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь четверть столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живьем в землю, заточает жену, распутничает, мужеложествует... Сам, забавляясь, рубит головы, кощунствует, ездит с подобием креста из чубуков в виде детородных органов и подобием Евангелий — ящиком с водкой... Коронует б... свою и своего любовника, разоряет Россию и казнит сына... И не только не понимают его злодейств, но до сих пор не перестают восхваления доблестей этого чудовища, и нет конца всякого рода памятников ему».

Граф ошибся. Встань на трон Софья, мало бы что шло по-другому, род Голицыных готовил те же реформы, что и Пётр. ...»

Отчего мы имеем удовольствие читать в трагедиях Шекспира и революцию, и богохульство? До первой буржуазной революции в Англии оставалось более полувека, зачем великому поэту раскланиваться перед грядущими левеллерами или диггерами? Гёзы Фландрии вдохновили Шекспира?

Богач-отец всегда милей
И на ином счету.
Судьба продажна и низка
И презирает бедняка...

Того, кто служит за барыш
И только деньги ценит,
В опасности неохранишь,
И он в беде изменит...

Всё просто: Шекспир - один из лучших представителей отринувшего средневековую религиозность Возрождения. Пинает он и церковь, причем совсем по-современному:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит...

МЕРЕЖКОВСКИЙ

Читаем его стихотворение «Парфенон»:

Мне будет вечно дорог день,
Когда вступил я, ПроPILEИ,
Под вашу мраморную сень,
Что пены волн морских белее,
Когда, священный Парфенон,
Я увидел в лазури чистой
Впервые мрамор золотистый
Твоих божественных колонн,
Твой камень, солнцем весь облитый,

Прозрачный, теплый и живой,
Как тело юной Афродиты,
Рожденной пеною морской.
Здесь было всё душе родное,
И Саламин, и Геликон,
И это море голубое
Меж белых, девственных колонн.
С тех пор душе моей святыня,
О скудной Аттики земля, —
Твоя печальная пустыня,
Твои сожженные поля!

1892 Ионическое море

ПроPILEI – врата, Саламин – остров, битва при Саламине - морское сражение между греческим и персидским флотами в ходе греко-персидских войн, произошедшее в 480 г. до н. э. Геликон - пристанище муз, там текут ключи Гиппокрена и Аганиппа, вдохновляющие поэтов.

Ясно, что Ионическое море Мережковский добавил для собственной значимости. Стихотворение с виду красиво, но за красотой - холод. Да и штампов достаточно.

Вот что пишет об этом мистике один из видных большевиков:

«Он пророчествует давно: в художественной прозе и стихах, в богословских статьях и критических фельетонах, пророчествует упорно. Но его не замечали – тоже с упорством которое должно было ему казаться поразительным, именно потому, что оно было слишком естественным. Посредственный поэт, еще более посредственный прозаик, нелепый мистик, хотя мистика входила в моду, в тени восходящей звезды Блока и целой плеяды изумительных поэтов его не сравнивали даже с Клюевым. «Стихотворенье Клюева прочел, - пишет Есенин, - и в клетке сдохла канарейка». Мережковского заметили уже только в самые последние предреволюционные годы, когда вся жизнь русская, с поверхности до дна стала размещиваться большой палкой. ... И только когда волна событий отхлынула назад... Мережковский овладел вниманием, вышел из кружкового затворничества, обмирщился и начал пророчествовать даже с амвона «Речи». Да и этого могло не быть, если бы гг. Гессен и Малюков не сказали, что пророчествование сие есть во благовремение. ...»

Через историческое христианство Мережковский зовет к религии Троицы. «Каждая из трех божеских Испостасей, - разъясняет он, - есть соединение двух остальных, так что всю полноту Троицы можно выразить числом 333. Повторенное в дьявольском зеркале, удвоенное 333 дает 666». Как ни сомнительна эта геометрическая операция, отчего вдруг $3 + 3 = 3$, но само высказывание Мережковского со всей определенностью говорит, что он метит на роль гуру. Остроумие – абсолютно несвойственная ему черта, и 333, и 666 она ставит с сосредоточенной серьезностью. Среди бела дня и громогласно он приглашал однажды Бердяева к себе в сопророки, чем, вероятно, напугал этого кокетливого философского фланера».

Знает ли мир о существовании «проблемы дьявола»? Есть она: «Вам кажется, - обращается Мережковский к Бердяеву в открытом письме, написанном в тоне посланий апостола Павла, что для меня не решена проблема о дьяволе. Вы ошибаетесь: для меня она решена окончательно». ... Однако не ряса на Мережковском, а сюртук, притом отличнейшего французского покроя, как свидетельство того, что он человек светский, отнюдь не собирающийся отречься от благ мира сего...»

Но тут же: окружающая среда (середина по Мережковскому) – это плоскость, мещанство, удовлетворенное мещанство, хамство [2].

Крестьянская революция еще не минула, до большевистского переворота более десяти лет, кто же грядущий хам, неужели крестьяне? Не крестьяне, не фабричный люд, мещане – это городские мелкие хозяйчики, конторские служащие. Вот доминанта.

«Серое, черное, в сером упорное», - так пишет уже обо всей России жена Мережковского, Зинаида Гиппиус. Где же искать спасения от погружения в хамство облагороженного культурного прозябания? И вот тут на выручку является мистика. В ней Мережковский имеет сверхкультурную санкцию культуры, гарантию того, что, посасывая культуру, он совершает высшее дело...

Мережковский оказался просто преждевременным европейским себялюбцем в исторической среде... От освящения монархии он пришел к христианско-анархическому идеалу теократического всевластия – не потому, что искал правды человеческих отношений, а исключительно под влиянием потребностей личного своего самоутверждения. ...

«В противоположность Ивану Карамазову, - продолжает автор, - который бога-то еще соглашался принять, но мира, им созданного, с жертвами безвинными, с младенцами замученными, не принимал и почтительно, в сущности дерзостно возвращал свой билет, г. Мережковский мир готов принять всегда, и с Победоносцевым, и с анархией, - только под одним условием: чтобы этот мир ему мистически посолили, чтобы не загнил и не провонял. ...»

В России меня не любили и бранили, - жалуется Мережковский, - за границей меня любили и хвалили, но и здесь, и там, одинаково не понимали м о е г о». Верно, что Мережковского за границей хвалили, то есть, собственно, похваливали. Но совсем неверно, будто его там любили. ... его лишь одобряли, как образованного европейца из варваров», - пишет автор.

От своего одиночества он искал в разных местах укрыться, даже в античной мифологии, но и в древних храмах обнаруживает только пустыню. ...»

Но мистика-то Мережковского уж несомненна? «Сам Мережковский, как человек культуры, не мог не знать, что мистике пальца в рот не клади, ибо она нетерпима и прожорлива. Как тощая фараонова корова, она способна поглотить всю культуру без остатка, со всеми ее удобными, милыми и прекрасными завоеваниями».

Тяжек крест пророка, ох, тяжек. «Лучше быть шутлом гороховым, - воздевает персты к небу Мережковский, - чем современным пороком». Так и есть, Мережковский – шут гороховый. Если же пророчества не сбываются – ничего особенного, это ничего не значит. «У меня, должно быть, лихорадка, - поясняет Мережковский, - не удивляйтесь же, что слова мои будут похожи на бред».

«Что если русская идея – русское безумие? ... Должны, но имеем ли?» Такие замечательные вопросы ставит Мережковский в своей книге «Большая Россия» (1910). Большая... что ж, неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

«Мережковскому, - продолжает автор, - не хватает одного: подлинной страсти. У него душа неокрыленная. Он самый холодный, расчетливый, симметричный человек. ... Неспособный приобщиться к страсти великих исторических начал, восстанавливающих сына на отца, отца на дочь, брата на брата, он свою нравственную и художественную импотенцию, в которой всё обезличивается, выдает за синтез. ... Когда Алеша Карамазов, ближайший патрон г. Мережковского, почтительно отзывается о поминальных блинах: «старинное, вечное и потому хорошее», вы чувствуете: сколько бы Достоевский ни укрывался за своего бедного и безличного Алешу, ему, Достоевскому, поминальный блин в горло не лезет... А г. Мережковский, открывая новую эпоху человеческого духа, обязуется потребить весь блин обрядности – думает, что этим своим подвигом примирит землю с небом. ... Как несродна Мережковскому гейневская стихия дерзостного остроумия, тоже стирающего грани между адом и мальц-экстрактом, только с другого конца, тем... больше он боится яду вольтерьянского, тем больше он, несмотря на свою внешнюю отвагу, робеет перед ридикюльностью своей миссии. ... Духовная трусость Мережковского несравненно содержательнее его фразеологической смелости. ...» [3]

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Когда русская армия стала терпеть поражение за поражением в первой мировой войне, лауреат Нобелевской премии академик Иван Павлов, внимательно следивший за ходом боевых действий, клеймил бездарное командование, царское правительство, называл Николая II идиотом и дегенератом. Досталось от него и классикам марксизма, и большевикам.

Павлов не принял революцию, откровенно написал об этом в СНК. Из его писем следует, что Павлов был элементарно не информирован. Получив несколько разъяснений, далее только просил об освобождении ряда лиц. Просьбы его немедленно удовлетворялись. Специально для Павлова был выстроен Институт в Колтушах. В отличие от Бердяева, Шестова и прочих Павлов не покинул Россию.

Из писем академика Павлова.

Ленинград, 12.III.1935, Молотову

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Простите за надоедливость, но не имею силы молчать. Сейчас около меня происходит что-то страшно несправедливое и невероятно жестокое. Ручаюсь моею головою, которая чего-нибудь да стоит, что масса людей честных, полезно работающих, сколько позволяют их силы, часто минимальные, вполне примирившиеся с их всевозможными лишениями без малейшего основания (да, да, я это утверждаю) караются беспощадно, не взирая ни на что как явные и опасные враги Правительства, теперешнего государственного строя и родины. Как понять это? Зачем это? В такой обстановке опускаются руки, почти нельзя работать, впадаешь в неодолимый стыд: «А я и при этом благоденствую». Спасибо за поддержку колтушской работы. Преданный Вам Иван ПАВЛОВ
АПРФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1455. Л. 13. Автограф

В 1864-м он закончил духовное училище, но, прочтя книгу «Рефлексы головного мозга» профессора И. М. Сеченова, стал материалистом, убежденным атеистом.

«...я был, есть и останусь русским человеком, сыном Родины, её жизнью прежде всего интересуюсь, её интересами живу, её достоинством укрепляю своё достоинство
ловеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, — это есть Бог. В своём стремлении искать причину всего он доходит до Бога. Но сам я не верю в Бога, я неверующий» [4].

«Я... сам рационалист до мозга костей и с религией покончил... Я ведь сын священника, вырос в религиозной среде, однако, когда я в 15-16 лет стал читать разные книги и встретился с этим вопросом, я переделался и мне это было легко... Человек сам должен выбросить мысль о боге» [5].

«Что касается моей религиозности, веры в бога, посещениях церкви, то это всё неправда, выдумки. Я семинарист, и, как большинство семинаристов, уже со школьной скамьи стал безбожником, афеистом. Мне бога не нужно... Почему многие думают, что я верующий человек, верующий в смысле религиозном? Потому что я выступаю против гонения на церковь, на религию... Другую веру приносит людям просвещение, образование; вера в бога сама становится ненужной. Многие ли образованные люди верят в бога? (Хотя есть еще немало верующих и среди них). Надо раньше просветить народ, дать ему грамотность, образование, и вера сама ослабнет. А разрушать веру в Бога, не заменив ее ничем, нельзя... Вот так, молодой человек. А в церковь я не хожу и в бога не верю» [6-8].

«... вряд Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног», - писал Пушкин. А ведь стройные женские ноги стали эстетическим идеалом только последние века. Мужские кривые ноги были идеалом вплоть до Возрождения, дань симбиозу Homo Sapiens с тяжеловесными неандертальцами, это можно увидеть в статуях. В Древнем Китае идеалом были короткие ножки. Знатных девушек носили на паланкинах, с детства им подрубали ножки, чтобы они не росли. Женихи на смотринах старались заглянуть под стол, чтобы увидеть, знатного ли происхождения их избранницы.

Во времена Людовика XIII почитали за честь кого-нибудь убить на дуэли, сегодня это уголовщина.

Греческая демократия – это право убивать рабов и делать рабов из крестьян.

Ничего прекрасного в Джоконде нет. Ее физиономия некрасива, типична для тех времен. Посмотрите дагерротипы жен современных турецких богачей и султанов, толстые фигуры, мужеподобные усатые лица.

Академик Барг о портрете Моны Лизы пишет следующее: «Плотоядная хищница, выискивающая в толпе очередную жертву...»

Ничего прекрасного в римских торсах, безликих профилях и поднятых кверху пальцах нет, а есть хороший анамнез. Это параноики, вот диагноз. Чепуху об идеальном зрителе, который знает римскую культуру, придумали бездельник дворяне. У каждого времени свои нравственность и эстетика. Они не сваливаются архимандритом на головы народа, а формируются самой народной жизнью [9]. Сама жизнь выдвигает против смерти не обман загробного мира, а витаукт, силу, которая укрепляет жизнь. С момента возникновения Homo Sapiens продолжительность его жизни возросла впятеро, подобное наблюдается и в других видах.

Религия, как писал Богданов в брошюре «Ответ на книгу Ильина» (Ленина), есть отражение в общественном сознании общественной иерархии. Слом иерархии будет означать слом и религии. Хотя бы частичный.

1. Шекспир В. Ричард III.

2. Мережковский Д. Больная Россия. Л.: ЛГУ, 1991.

3. Т. Львов. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

4. Петрова М. К. Из воспоминаний об академике И. П. Павлове // Вестник Российской академии наук. — 1995, том 65. - № 11. - С. 1016-1023.

5. Павловские клинические среды: Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Том 3, стр. 360.

6. Крепс Е. М. Иван Петрович Павлов и религия // И. П. Павлов в воспоминаниях современников. Л., 1967. С. 131.

7. Windholz, George. Pavlov's Religious Orientation (англ.) // Journal for the Scientific Study of Religion journal. — 1986. — Vol. 25, no. 3. — P. 320—327. — DOI:10.2307/1386296.

8. Грекова Т.И. Верил ли И.П. Павлов в Бога? // Павлов И.П.: Pro et contra. — СПб.: РХГА, 1999. — 800 с. ISBN 5-88812-068-5 1999».

9. Ихлов Б. Против гуманизма (гуманизм или коммунизм?) <https://www.proza.ru/2016/03/06/950>

См. <http://shtirner.ru/>